

Алексей В. Юдин
(Одесса)

ПЕРСОНИФИЦИРОВАННЫЕ ЛИХОРАДКИ
В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ НАРОДНЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОВОРОВ)

Dla wschodnich Słowian charakterystyczne są personifikacje chorób, czego wyrazem jest nazywanie ich imionami własnymi. Przykładem takiego antropomorfizmu może być ukazywanie ospy jako starej kobiety z błyszczącymi oczami i jednym mocnym, zdrowym zębem.

Szczegółowym tematem artykułu jest natomiast charakterystyka ludowego sposobu przedstawiania febry (ludowa nazwa *zimnica*, *trzęsawica*), którą autor sprowadził do zestawienia ośmiu podstawowych cech kategoryalnych, takich jak: wygląd zewnętrzny, przymioty, stosunek człowieka do choroby i odnoszenie choroby do człowieka, jej działania na człowieka, przyczyny (pochodzenie) choroby, czas i miejsce jej przebywania w człowieku. W tym zestawie kategorią najbardziej rozbudowaną są działania febry, która może człowieka dusić, gniesć, gryźć, podpiekać ogniem, łamać kości, ciągnąć, dręczyć itp.

Для народных представлений восточных славян характерна персонификация болезней, особенно инфекционных, наиболее опасных. Даже такие в общем незначительные заболевания, как чирей, могли называться именами собственными и становиться объектами заклинания при их лечении. Ср. в пинежских заговорах: *Чирий Василий, иди с того места!* [...]: Заговоры, 16; *Чирий Василий, сверху сохни, с испода чазни, поди в сук* [...]: Заговоры, 16; чирей Василий встретился нам также в: Попов, 240; Черепан., 82; Власова, 196; МГУ-75, ФЭ-10:6559, 6607, 6608, 6614, 6647; также встретились три чирья — Василий, Иван и Демьян: МГУ-75, ФЭ-10:6663; все они в севернорусских, преимущественно архангельских текстах. Известна персонифицированная *Гры-*

жа: Вин., 39–40. Более же существенные заболевания представлялись антропоморфно. Скажем, оспа, по белорусским данным, выглядит как злая, безобразная старуха „с блещущими очами и выступающим наружу одним крепким зубом”, которая брызгает своей ядовитой слюной в намеченную жертву (Ляцкий 1892, 33–34). На Русском Севере ей также могли иногда присваивать собственные имена: *Оспа Ивановна*: Черепан., 82; Демич, 23; *Воспинка Ивановна*: Черепан., 82; в Енисейской губ. зафиксирована *Воспа Воспивошна*: Демич, 23. Но наиболее отчетливой антропоморфизации подвергся образ лихорадки, часто называемой также диалектным словом *трясавица*.

Лихорадка мыслилась как существо не одинокое. Обычно в народных представлениях выступает целая серия женских демонов (12, 7, 9, 77 и т. д.), являющих собой то ли различные „варианты” этого заболевания, то ли персонифицированные симптомы. Обобщенно их всех представляли как простоволосых (иногда разноцветных) дев, одетых в неподпоясанные лохмотья или нагих, чахлах, голодных, иногда слепых или безруких, появляющихся обычно из моря (озера). Одна из них (последняя по порядку) — старшая и повелевает другими. Для человека она смертельна. Местом постоянного обитания трясавиц считалось подземелье ада, откуда они изгоняются зимой, после чего ищут пристанища в человеческом жилье, нападая на людей (см: Афанасьев 1995, т. 3, 81). В списках заговоров от лихорадки эти персонажи обычно наделены тайными именами, которые спрашивает у них святой, затем избивающий и изгоняющий демонов. Иногда эти имена достаточно темны и только позволяют предполагать свое греческое или иное происхождение. Но значительно чаще они вполне прозрачны, а семантика их апеллятивов может многое сказать о том, как видели персонифицированную лихорадку белорусские, русские и украинские крестьяне. Представления эти были в значительной степени общими, как общим был и фонд заговоров от трясавицы — чрезвычайно близкие списки могли бытовать и в Великороссии, и на Украине одновременно. Своеобразные комментарии, которыми нередко сопровождаются имена лихорадок в заговорных текстах (*та утробу и жилы ручныя и ножныя у человека сводит и скорчит; не может человек согреться в печи, и тоже падаю, роняю, припадки разные навожу* и т. п.), в принципе только подтверждают картину, получаемую на основании анализа семантики апеллятивов. В дальнейшем мы попытаемся на основании этого анализа составить своего рода обобщенный портрет персонифицированной лихорадки, какой она предстает в восточнославянских заговорах. Для этого необходимо расположить имена по рубрикам, соответствующим

различным аспектам понятия о лихорадке. К таковым мы относим: внешний вид (в частности, цвет), другие признаки, действия, приписываемые лихорадкам, их отношение к человеку и отношение человека к ним, происхождение (причина появления), время (сезон) их действия на человека, место пребывания в человеке.

1. Внешний вид

Лихорадки представляются в виде простоволосых дев разных цветов (что, кстати, отразилось в их лубочной иконографии — см., напр., картинку, приведенную в: ИРЛ, 40–41).

Черная (чорна): Иван., 739; Сокол., 31; Тих. Лет., 79–80.

Белая: Забыл., 355–360; *белея*: Череп., 49.

Бледная: Тих. Пам., 353; *бледуха*: Даль т. 2, 258.

Зеленая (зелена): Гром., 95; Забыл., 269; Корол., 278; Череп., 50–52.

Простовласна: Гром., 95.

Синяя (синя, синея, синая): Гром., 95; Даль т. 2, 258; Корол., 278; Селив., 89; Сокол., 31; Череп., 50–52; Щуров, 167.

Темна: Черепан., 81.

2. Признаки

Лихорадки имеют вкус (горький, кислый), вес (легкий), определенные „нравственные” качества (жадность, похотливость), они „рыкают” (очевидно, „аки лев”, ср. название лихорадки *акилед*), появляются тайно, одна из них старшинство над всеми остальными. Они ассоциируются с библейской Иродиадой, именуемой в апокрифе *плясавицей*.

Горькуша (гарькуша): Иван., 739; Тих. Лет., 79–80.

Жадная: Богаев., 103.

Кисленя: Майл., 464–465; *кисленея*: Череп., 50–52.

Легкая (легка): Гром., 95; Даль т. 2, 258; Селив., 89; *легчае*: Еф., 11.

Надовсея: Череп., 49.

Плясея: Череп., 49.

Похотлюща: Новомб., 223–224.

Рыкающая: Череп., 50–52.

Тайная: Забыл., 355–360.

3. Отношение человека

Человек к лихорадке относится откровенно плохо.

Дрянища: Даль т. 2, 258.

Поганка: Череп., 48–49.

4. Отношение к человеку

Лихорадка является врагом человека, не любит его, причиняет ему зло, стремится убить.

Ворогуша (врагуша, ворогуха), ворожея: Череп., 48–49.

Добруха Эвфемистическая замена характеристики на противоположную с целью умилоствления демона, как и в аналогичных именах *матуха, кумоха, тетка* и т. п. См. об этом: [Зеленин 1930], [Токарев 1957, 192], [Черепанова 1977].: Череп., 48–49.

Кума, кумоха (кумуха): Даль т. 2, 258; Череп., 48–49.

Лихачка, лиходейка: Майк., 467.

Матуха: Майк., 467.

Нелюбия: Попов, 239.

Тетка: Череп., 48–49.

Убийца (убилица, убица): Ефим., 206; Новомб., 223–224.

5. Действие на человека

Лихорадка: давит, гложет, гнетет, грызет, как зубами, жмет, изъедает, корчит, кусает, печет огнем, ломит, особенно кости, раздувает, расслабляет, томит, трясет, тянет, холодит, от нее кричат, наступают безумие, бессонница, глупость, глухота, голод, дремота, дрожь, дряхлость, кашель, немота, озноб, опухоль, отек, пожелтение, припадок, скорбь, смерть, сонливость, сухота, хрипы, хромота.

Безумная (безумный): Забыл., 346, 355–360.

Гладея (голодея) (демон голода): Ефим., 206, 209; Савушк., 202; Череп., 50–52.

Глядея (гледея, глядзя) (демон бессонницы, от которого глядят по ночам): А. С., 117; Афан. т. 3, 85–88; Гром., 93; Майк., 461–464; Череп., 50–52; S., XXXVI.

Глупея: Черепан., 77.

Глухея (глухия, глухая, глушея): А. С., 117; Афан. т. 3, 85–88; Балов, 425; Богаев., 103; Вохин, 491; Гер., 164; Гром., 93; Ефим., 209; Майк., 461–464; Череп., 50–52; *оглушица*: Ефим., 206; *глохня*: S., XXXVI; *глыхота*: Еф., 11.

Гнетея: Афан. т. 3, 85–88; Балов, 425; Вохин, 491; Ефим., 209; Гер., 164; Гром., 93; Майк., 461–464; Сокол., 33–34; Тих. Пам., 351–352; Череп., 50–52; *гнетница*: Афан. т. 3, 85–88; Тих. Лет., 79–80; *гнитыця*: Иван., 739; *гнетуха*: Даль т. 2, 258; Забыл., 269; Чуб., 119; *гнетиха*: Щуров, 167; *гнятеница*: Забыл., 331, 332; *гнетуница*: Череп., 48; *гнетучка*: Афан. т. 3, 85–88; Тих. Пам., 353; *гнетучый*: Майк., 501–502.

Горячия: Попов, 238; *горяя*: Черепан., 75.

Давляя: Остр., 138; *давотной*: Забыл., 346.

Дремляя: Иван., 739; Тих. Лет., 79–80.

Дрожжалка; *студеная скорбь*: Череп., 48–49; *дрожуха*: Черепан., 77.

Дряхлая: Иван., 739.

Дутая (дутьиха): Афан. т. 3, 85–88; Забыл., 269; Череп., 50–52.

Желтея Здесь, конечно, имеется в виду не только действие, оказываемое лихорадкой на человека, но и ее собственный цвет, потому возможно рассмотрение этой группы имен и в рубрике 1. Но основным при осмыслении имени оказывается все же действие, что подтверждают типичные „комментарии”, которыми снабжаются в заговорах имена данного круга: „та человека желтит, аки цвет будет” (Вохин, 491), „тогда человек бывает желт, как в курином яйце желток” (Ляцкий, 128) и т. п. (*желтая, жовтая*): А. С., 117; Афан. т. 3, 85–88; Балов, 425; Вохин, 491; Гер., 164, 174; Гром., 93; Еф., 11; Ефим., 206, 209; Забыл., 269; Иван., 739; Майк., 461–464; Остр., 138; Савушк., 202; Сокол., 31, 33–34; Тих. Лет., 79–80; Тих. Пам., 351–352; Череп., 50–52; S., XXXVI; *желтуха*: Даль т. 2, 258; Попов, 239; Череп., 50–52; *желтучый*: Майк., 501–502; *желтыня*: Череп., 50–52; *желтица (жолотица)*: Ефим., 205; Черепан., 75; *желтуница*: Гром., 95; Селиван., 89; *желтодия (желтудия)*: ИРЛ, 40–41; Вин., 6–8; Попов, 239; *жола*: Сокол., 31; *желея*: Корол., 278; *желтая болезнь, желтя/е/ница, желтянка, жолуница, желница, жолница*: Даль т. 1, 531.

Жомучый: Майк., 501–502.

Знобя (знобая): Богаев., 103; Еф., 11; Иван., 739; Сокол., 34; Тих. Лет., 79–80; Тих. Пам., 351–352; Череп., 50–52; *Знобуха*: Майк., 467; Попов, 239; *знобиха*: Забыл., 331, 332; Щуров, 167; *знобича*: Майк., 464–465; Череп., 50–52; *озноба*: Тих. Пам., 353; *знобилка*: Даль т. 2, 258; *знобительная*: Забыл., 269; *зябуха*: Иван., 739; Тих. Лет., 79–80.

Зубляя: Остр., 138.

Изгложущая: Новомб. 223–224; *изведущая*: Ефим., 206.

Кашляя: Ефим., 205; Остр., 138; *кашлюнья*: Гер., 161.

Корчая (скорчая): Ефим., 209; Савушк., 202; Тих. Пам., 351–352; Череп., 50–52; S., XXXVI.

Костоломка (костоломная): Афан. т. 3, 85–88; Забыл., 269; Тих. Пам., 353.

Крикуша: Тих. Лет., 79–80.

Ледея: Афан. т. 3, 85–88; Балов, 425; Вохин, 491; Гер., 174; Гром., 93; Майк., 461–464; Сокол., 34; Тих. Пам., 351–352; *ледиха*: Афан. т. 3,

85–88; S., XXXVI; *леденая*: Гер., 164; *ледзянка*: Карский, 76; *акилед*: Гром., 95; Селив., 89; *ledawaĵa*: Wере́нко, 167; *оледя (оледья)*: Ефим., 205; Черепан., 75.

Ломеня (сломеня, ломля, ломеня): Афан. т. 3, 85–88; Балов, 425; Вохин, 491; Гер., 174; Ефим., 206, 209; Майк., 461–464; Сокол., 33–34; Череп., 50–52; S., XXXVI; *ломотная (ломотный)*: Еф., 11; Забыл., 346; Сокол., 33–34; *ломовая*: Даль т. 2, 258; *ломуха*: Гер., 175; Попов, 239; *ломонья*: Попов, 238; *ломиха*: Забыл., 331, 332.

Немея: А. С., 117.

Неядея: Ефим., 209.

Огня (огня): А. С., 117; Афан. т. 3, 85–88; Балов, 425; Гер., 174; Ефим., 206; Майк., 461–464; Сокол., 34; Тих. Пам., 351–352; Череп., 50–52; S., XXXVI; *огненная (огненная)*: Афан. т. 3, 85–88; Еф., 11; Забыл., 269; Корол., 278; Селив., 89; Сокол., 33–34; Череп., 50–52; *огневица (огневица)*: Забыл., 331, 332; Иван., 739; Савушк., 202; Тих. Лет., 79–80; *огнеястра*: Афан. т. 3, 85–88; S., XXXVI; *огненный*: Забыл., 346; *ahniewaĵa*: Wере́нко, 167.

Отекная: Афан. т. 3, 85–88; Тих. Пам., 353.

Печея: Черепан., 77, 81.

Припадочный: Череп., 49.

Пухлая: А. С., 117; Афан. т. 3, 85–88; Череп., 50–52; Балов, 425; Гер., 174; Попов, 239; Ефим., 205, 209; Цокол., 34; Тих. Пам., 351–352; *пухлая*: Афан. т. 3, 85–88; *пухля*: Вин., 6–8; ИРЛ, 40–41; Череп., 50–52; *пухля*: Гром., 93; Ефим., 206; *пухлая*: Афан. т. 3, 85–88; Еф., 11; Забыл., 355–360; Черепан., 81; *пухля*: Вохин, 491; *пухляца*: Савушк., 202; *опухлая*: Сокол., 34; *пухотной*: Забыл., 346; *пухота*: Забыл., 331, 332.

Разслабя (разслабленный): Забыл., 346, 355–360.

Рвота: Богаев., 103.

Скорбная: Забыл., 355–360.

Смертная (смертный): Забыл., 346, 355–360; *smiarotnaja*: Wере́нко, 167; *смертнозримая*: Череп., 49.

Сонная: Тих. Пам., 353.

Студеная (студена): Забыл., 269; Череп., 50–52.

Сухота: Череп., 50–52; Сокол., 34; Тих. Пам., 351–352; *сухля (сухая)*: Гром., 93; *сухой и потаенный, сухотной*: Забыл., 346.

Тряся (тресея, трясье): А. С., 117; Афан. т. 3, 85–88; Балов, 425; Вохин, 491; Гер., 164; Гром., 93; Ефим., 206, 209; Майк., 461–464; Цокол., 34; Тих. Пам., 351–352; Череп., 50–52; *т рясовица (трясавица, тресовица, трасовица, трясавица, трясовица, трясуница)*: Вин., 6–8; Гер., 164; Гром., 95; Забыл., 331, 332, 355–360; Иван., 739; ИРЛ, 40–41;

Майк., 464–465; Попов, 238, 239; Селиван., 89; Тих. Лет., 79–80; Череп., 50–52; Щуров, 167; *трясун*: Забыл., 346; *трясуха*: Гер., 175; Даль т. 2, 258; Попов, 238; Чуб., 119; *трясье*, *трясунья*, *трясь*, *тресся*, *тряся*: Даль т. 4, 439; *трясучка* (*тресучка*): Даль т. 2, 258; Тих. Пам., 353; *потресуха*, *трясца*: Афан. т. 3, 85–88.

Томея: Ефим., 206; *томилия*: Попов, 238; *истома*: Савушк, 202.

Тяглей, *стяглей*: Остр., 138; *потягота* (*потегота*): Богаев., 103; Сокол., 34; Тих. Пам., 353.

Укуша: Остр., 138.

Хладя (*холодия*): Попов, 238; Череп., 49.

Хрипуша (*хрыпуша*): Майк., 461–464; Сокол., 33–34; Череп., 50–52; *хрипучая* (*хрипущая*): Гер., 164; Ефим., 209; *хрипея*: Балов, 425; *хрипуха*: Сокол., 34; *хрипота*: Забыл., 331, 332; *хрипувита*: Савушк., 202; *храпуша*: А. С., 117.

Хромуша: Черепан., 77.

6. Происхождение (причина)

Лихорадка может происходить от воды, гороха, осины, тына (плетня), из леса, тени, она летает и переносится ветром.

Ветрея: Черепан., 75.

Водяная (*водяна*, *водянка*): Забыл., 269; Череп., 50–52; Чуб., 119.

Лешавица: Череп., 48–49.

Летучка: Майк., 467.

Тенная: Тих. Лет., 79–80.

Тынна: Иван., 739.

Asinawaĵa, *harochawaĵa*: Wergeńko, 167.

7. Время действия

Лихорадки связаны с определенными временами года, преимущественно весной и осенью (о весенних и осенних лихорадках см.: [Ляцкий 1892, 30]), а также с дневным временем суток.

Веснянка (*везняна*): Карский, 76; Попов, 239; *вешница*: Гер., 161; *listaadziawatnaja* (т. е. ‘господствующая весной, когда распускаются листья’): Wergeńko, 167.

Дневная: Еф., 11; Забыл., 355–360.

Листопадная (*listaradnaja*): Даль т. 2, 258; Остр., 138; Селив., 89; Wergeńko, 167; *листопадница*: Карский, 76.

Осеннуха: Гер., 161; *осенняя* (*jesienna*): Гром., 95; Остр., 138.

8. Место пребывания в человеке

Лихорадка обычно локализуется в каком-то внутреннем органе человека, преимущественно в груди, которую давит, костях, которые ломит.

Внутренняя: Забыл., 269; *нутряная*: Череп., 50–52; *unutretnaja*: Wegeńko, 167.

Грудея: Афан. т. 3, 85–88; S., XXXVI; *грудица*: Афан. т. 3, 85–88; Вохин., 491; *грудица*: Вохин., 491; *грудница*: Гром., 93; *грудиня*: Попов, 238.

Костя: Савушк., 202; Череп., 49; *костиня*: Попов, 238; *косцяница*: Карский, 76; *kasciawaja*: Wegeńko, 167.

Список сокращений названий источников

- А. С. — А. С. (околов), *Духовные стихи и заговоры из рукописного сборника XVIII в.*, [В кн.:] *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете*, т. 10, вып. 1, Казань 1892, с. 114–117.
- Афан. т. 3 — А. Н. Афанасьев, *Поэтические воззрения славян на природу*, т. 3, Москва 1869 (Репринтное воспроизведение: Москва 1994).
- Балов — А. Балов, *Молитвы, заговоры и заклинания, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии*, [В кн.:] *Живая старина*, вып. 3, отд. 5, 1893, с. 425–431.
- Богаев. — П. Богаевский, *Заметка о народной медицине*, [В кн.:] *Этнографическое обозрение*, кн. 1, 1889, с. 425–431.
- Вин. — Н. Виноградов, *Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.*, вып. 2, Санкт-Петербург 1909.
- Власова — З. И. Власова, *К изучению поэтики устных заговоров*, [В кн.:] *Русский фольклор*, вып. XIII, Ленинград 1972.
- Вохин — Н. Н. Вохин, *Народные заговоры против болезней начала XVIII-го века*, [В кн.:] *Русская старина*, т. 22, 1878, с. 490–492.
- Гер. — М. К. Герасимов, *Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде Новгородской губернии*, [В кн.:] *Живая старина*, вып. 2, 1898, с. 158–183.
- Гром. — М. М. Громько, *Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII–XIX веков*, [В кн.:] *Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII — начале XX в.*, Новосибирск 1975, с. 71–109.
- Даль — В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т.*, Москва 1989.
- Демич — В. Ф. Демич, *Заразные болезни и их лечение у народа. Очерки русской народной медицины*, Санкт-Петербург 1914.
- Еф. — П. С. Ефименко (сост.), *Сборник малороссийских заклинаний*, [В кн.:] *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, кн. 1, отд. 2, 1874.
- Ефим. — П. С. Ефименко (сост.), *Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. Часть 2. Народная словесность*, [В кн.:] *Известия*

- этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете*, т. 30, кн. 5, вып. 2, 1878.
- Забыл. — М. Забылин (сост.), *Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия*, Москва 1990.
- Заговоры — А. А. Иванова (сост.), *Заговоры и заклинания Пинежья, Карпогоры* 1994.
- Иван. — И. Иванов, *Знахарство, шептанье и заговоры (В Старобельском и Купянском уездах Харьковской губернии)*, [В кн.:] *Киевская старина*, т. 13, 1885, с. 730–744.
- ИРЛ — Е. В. Аничков (ред.), *История русской литературы*, т. 1, Москва 1908.
- Карский — Е. Ф. Карский, *Белорусы*, т. 3, Москва 1916.
- Корол. — П. П. Короленко, *Черноморские заговоры*, [В кн.:] *Сборник Харьковского историко-филологического общества*, №4, Харьков 1892.
- Майк. — Л. Н. Майков, *Великорусские заклинания*, [В кн.:] *Записки Русского географического общества по отделению этнографии*, т. 2, Санкт-Петербург 1869, с. 417–580.
- МГУ-75 — *Материалы Северной экспедиции Московского государственного университета в Архангельскую область 1975 года, хранящиеся в архиве кафедры фольклора МГУ*.
- Новомб. — Н. Я. Новомбергский, *Материалы по истории медицины в России*, т. 4, Томск 1907.
- Остр. — Л. В. Островская, *Мировоззренческие аспекты народной медицины русского крестьянского населения Сибири второй половины XIX века*, [В кн.:] *Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII — начале XX в.*, Новосибирск 1975, с. 131–142.
- Попов — Г. Попов, *Русская народно-бытовая медицина*, Санкт-Петербург 1903.
- Селиван. — А. И. Селиванов, *Этнографические очерки Воронежской губернии*, [В кн.:] *Воронежский юбилейный сборник*, т. 2, Воронеж 1886, с. 69–115.
- Сокол. — М. И. Соколов, *Новый материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками*, Москва 1894.
- Тих. Лет. — Н. Тихонравов (сост.), *Летописи русской литературы и древности*, т. 4, Москва 1863.
- Тих. Пам. — Н. Тихонравов (сост.), *Памятники отреченной русской литературы*, т. 2, Москва 1863.
- Череп. — О. А. Черепанова, *Типология и генезис названий лихорадок-трясавиц в русских народных заговорах и заклинаниях*, [В кн.:] *Язык жанров русского фольклора*, Петрозаводск 1977, с. 44–57.
- Черепан. — О. А. Черепанова, *Роль имени собственного в мифологической лексике*, [В кн.:] *Язык жанров русского фольклора*, Петрозаводск 1983, с. 74–84.
- Чуб. — П. П. Чубинский (ред.) *Труды этнографическо-статистической экспедиции в западнорусский край. Юго-западный отдел. Материалы и исследования*, т. 1, Санкт-Петербург 1872.
- Щуров — И. Щуров, *Знахарство на Руси*, [В кн.:] *Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете*, кн. 4, 1867, с. 143–174.
- S. — S., *Домашний обиход. Рукописный сборник XVII века*, [В кн.:] *Пермский сборник*, кн. 2, Москва 1860, приложение, с. XXXI–XXXVIII.

Wereńko — F. Wereńko, *Przyczynek do lecznictwa ludowego*, [w:] *Materyały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, wydawane staraniem komisji antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie*, t. 1, Kraków 1896, s. 99–228.

Библиография

- Афанасьев А. Н., 1995, т. 3, *Поэтические воззрения славян на природу*, т. 3, Москва 1865 (Репринтное воспроизведение: Москва 1995).
- Зеленин Д. К., 1930, *Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть 2. Запреты в домашней жизни*, [В кн.:] *Сборник Музея антропологии и этнографии*, т. 9, Ленинград, с. 1–166.
- Ляцкий Е. А., 1892, *Болезнь и смерть по представлениям белорусов*, [В кн.:] *Этнографическое обозрение*, №2–3, с. 23–41.
- Токарев С. А., 1957, *Религиозные верования восточнославянских народов XIX–начала XX в.*, Москва–Ленинград 1957.
- Черепанова О. А., 1977, *Типология и генезис названий лихорадок-трясавиц в русских народных заговорах и заклинаниях*, [В кн.:] *Язык жанров русского фольклора*, Петрозаводск 1977, с. 44–57.

PERSONIFICATIONS OF FEVER IN EAST-SLAVONIC MAGIC SPELLS

One of the characteristic features of East-Slavonic cultures are personifications of diseases, referred to by proper names. An example of such anthropomorphism is an image of smallpox as an old woman with sparkling eyes and one firm, healthy tooth.

The article offers a characterization of folk representations of fever (the folk names being *zimnica* lit. 'the cold disease', *trzęsawica* lit. 'the shaking disease'). The characterization is a complex of eight basic categorial features: appearance, attributes, the relationship of people to the disease and vice versa, the influence of the disease on a person, the causes and origin of the disease, its duration and location in the human organism. The richest category is that of the influence of fever on people: it can strangle, squash, bite, burn, break someone's bones, pull or torment someone, etc.